

**ИЗ ИСТОРИИ ЗАХОРОНЕНИЯ
АКАДЕМИКА И. П. ЛИХАЧЕВА
И УСТАНОВКИ МЕМОРИАЛЬНОГО НАДГРОБИЯ
НА СМОЛЕНСКОМ ПРАВОСЛАВНОМ КЛАДБИЩЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

История сохранения могилы академика Николая Петровича Лихачева и установления надгробия полна драматических событий, связанных с историей нашего государства и охраной могильных захоронений и памятников второй половины XX в.

Существующие семейные воспоминания, воспоминания современников и близких кругу семьи людей, посещавших могилу ученого, умершего 14 апреля 1936 г., свидетельствуют, что она находилась на участке № 36 Крещенской дорожки Смоленского православного кладбища Санкт-Петербурга, истари (с середины XVIII в.) считавшегося одним из главных кладбищ города. А Крещенская дорожка находилась недалеко от храма Воскресения Христова (включен и построен в 1901—1904 гг. по проекту архитектора В. А. Демьяновского). В 1921 г. 10 августа здесь отпелся А. А. Блока. Этот участок был местом погребения многих выдающихся отечественных ученых XIX—XX вв.: академиком Ф. И. Успенского (1859—1928), Е. Ф. Карского (1860—1931) и др. По рассказам очевидцев, надгробие И. П. Лихачева было очень скромным и по православной традиции на нем стоял чугунный крест с небольшой табличкой, на которой были надписи: «И. П. Лихачев. 1862—1936». Однако к началу организации конференции, посвященной 140-летию И. П. Лихачева и 100-летию его Дома в Петербурге, на Петрозаводской улице, дом 7, Организационный комитет в 2002 г. столкнулся с целым рядом трудных и, казалось бы, неразрешимых проблем.

Суть их заключалась в том, что могила И. П. Лихачева на месте исторического захоронения уже не существовало.

Как только Российский гуманитарный научный фонд поддержал проект проведения конференции, директор Санкт-Петербургского института истории РАН В. П. Плешков поставил в известность организаторов конференции о том, что в хозяйственной части Института еще с 80-х годов XX в. хранится гранитное надгробие для могилы

Н. П. Лихачева, которое по непонятным причинам не было установлено и которое необходимо установить. В. Н. Плешков сразу же связался по телефону с внучкой академика Н. П. Лихачева О. П. Лихачевой, поставил ее в известность и узнал, что уже много лет шли долгие разговоры об этом, но все было безрезультатно. Кроме того, Ольга Петровна очень тяжело переживала эти обстоятельства, так как, однажды придя на могилу со своими родственниками, она увидела ее разрытой с многочисленными следами шип. Разговор состоялся в июле 2002 г. В. Н. Плешков обещая довести все до конца. Никто не мог тогда предположить, что пройдет больше года, прежде чем состоится открытие памятника. Организаторы конференции надеялись, что удастся приурочить его установку и открытие к дням конференции.

Мы хотели бы напомнить некоторые моменты перестыски с канцелярией вице-губернатора Санкт-Петербурга, многочисленных ходатайств в Архивные центры и Управление ритуальных услуг, описать те трудности, с которыми пришлось столкнуться организаторам конференции, а также воздать должное тем людям, без участия которых эта запутанная история еще долго могла бы продолжаться.

Прежде всего было выяснено, что существующее готовое надгробие, выполненное из серого Выборгского гранита с барельефом ученого и высеченной надписью: «Академик Лихачев Николай Петрович 1862—1936», имеет большие размеры (1,204 × 1,5 × 0,4 м, с цветником из четырех тумб и опоры) и весит более двух тонн. Никаких документов в хозяйственной и архивной части Института обнаружено не было. По совету П. П. Жарковой, опытного архивиста, организаторы конференции обратились в Архив РАН в Москву и получили копии Постановления № 407 Президиума АН СССР от 25 апреля 1974 г. и Распоряжения № 1-120-1009 от 3 июля 1974 г. «Об увековечении памяти академика Н. П. Лихачева» и «Об установке надгробия на могиле академика Н. П. Лихачева на Смоленском кладбище...» по смете АН СССР. Как мы предполагаем, были начаты эскизные работы по привязке памятника на местности, изготовлен сам памятник. Но именно в конце 70-х—начале 80-х годов за счет территории кладбища вблизи реки Смоленки, где и расположена Крещенская дорожка (участок № 36), шло расширение промышленной зоны завода имени Котлякова (строительство водонапорной башни). Часть могил и надгробий были разрушены. Без ведома родственников и Администратии Института, как явствует из долгих переговоров с чиновниками, захоронение Н. П. Лихачева было перенесено на другое место.

Затем Е. К. Пиотровская и Е. Н. Мецкерская отправились на кладбище и увидели поросший бурьяном участок № 36, который представлял собой пустырь, где с трудом угадывались бывшие могильные захоронения. Как здесь установить гранитное надгробие? Из бесед с Ольгой Петровной Лихачевой мы знаем, что свидетельство о смерти Н. П. Лихачева в семейных бумагах не сохранилось. Решено было обратиться в контору кладбища. Там мы узнали, что архив Смоленского кладбища находится в ведомственном Архиве Санкт-Петербургского государственного унитарного предприятия «Ритуальные услуги».

Вникнув в наши проблемы, служащие конторы назвали нам и имя энтузиаста, многие годы занимающегося историей захоронений на Смоленском кладбище, Г. В. Пирожкова, и посоветовали обратиться к нему за разъяснением сложившейся ситуации и розыском копий свидетельства о смерти и документов, подтверждающих факт захоронения именно на участке Крещенской дорожки. Посетив Дирекцию Санкт-Петербургского государственного унитарного предприятия «Ритуальные услуги» (2-я Советская ул., д. 2), изложив свою просьбу, мы, однако, не получили никаких документальных свидетельств от Г. В. Пирожкова и по его совету должны были обратиться в Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры при Администрации Санкт-Петербурга (шт. Ломоносова, д. 1). Г. В. Пирожков считал, что помочь нам могут и должны сотрудницы Комитета О. А. Шмелева и Л. П. Савицкая.

Тем временем уже было готово и подписано письмо-обращение Оргкомитета конференции к тогдашнему вице-губернатору Санкт-Петербурга, председателю Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли С. Ю. Ветугину, в чьем ведении находились городские кладбища. Обращение подписали академик РАН А. А. Фурсенко, директор СПбИИ РАН В. Н. Плешков, директор государственного Эрмитажа член-корр. РАН М. Б. Piotровский, Государственный герольдмейстер России Г. В. Вишняков, директор Государственного Русского музея член-корр. РАН В. А. Гусев. В этом письме в связи с утратой могилы выдвигалась просьба об установке надгробия «в местах, наиболее желаемых народом: либо на участке около храма Смоленской Божией Матери или часовни Кеснии Блаженной». Авторы письма от имени ученых в своем обращении подчеркивали, что установка гранитного надгробия будет достойной, хотя и запоздавшей данью памяти выдающемуся ученому в исидание потомкам. Однако это письмо сотрудницы канцелярии вице-губернатора С. Ю. Ветугина не разрешили передать лично ему (хотя первоначально устное соглашение было получено), а предложили отправить его по факсу. Произошло это 30 сентября 2002 г. Наступили месяцы ожидания официального разрешения и новых согласований. По-видимому, Г. В. Пирожков сам связался с сотрудниками Комитета по охране памятников и через некоторое время после очередного звонка В. Н. Плешкова в канцелярию вице-губернатора по поводу официального ответа на наше письмо, который нам никак не могли передать под благовидными предлогами: кто-то ушел в отпуск, кто-то заболел и т. п., узнал, что могила найдена и что сотрудницы Комитета по охране памятников могли бы нам ее показать, но «внезапно сейчас они заняты». Надо заметить, что мы, к сожалению, только после этих бесплодных телефонных переговоров обратились к справочнику-пугодыгелю «Исторические кладбища Петербурга» (СПб., 1993). В списке «Исторических захоронений на Смоленском православном кладбище», на странице 267 под № 256, прочли: «Лихачев Николай Петрович. 1862—1936. Историк, искусствовед, археолог, академик. Бетонная раковина с крестом. Уч. 76, Поперечная дор.». И тогда мы снова отправились на кладбище

и просили проводить на место указанной в справочнике могилы Н. П. Лихачева. Все рабочие были заняты, и нам сказали, что она находится на пересечении Петроградской и Поперечной дорожек, слева от памятника диктору ленинградского радио Ростиславу Широких. Еще ранее из телефонных разговоров с заместителями С. В. Ветлугина мы знали, что именно это надгробие и взято под охрану государством и фигурирует во многих справочных изданиях, посвященных кладбищам Санкт-Петербурга (см., например, указанное нами выше издание), как мемориальное надгробие (?). Об этом факте ничего не было известно ни родным академика Н. П. Лихачева, ни сотрудникам РАН.

В дальнейшем члены Оргкомитета конференции вместе с родственниками и друзьями семьи Н. П. Лихачева в результате многократных посещений кладбища, свидетельств тех людей, которые бывали на месте исторического захоронения, установили, что место первоначального захоронения Н. П. Лихачева находилось через дорожку от захоронения академика Е. Ф. Карского, параллельно его могиле, на участке № 36, справа от церкви Воскресения Христова. Очень хорошо и уверенно ориентировалась на этом пустыре М. А. Момина, сотрудник РИБ. Таким образом, топография первоначального захоронения устанавливалась точно. Стало ясно, что к началу конференции нам не удастся решить вопрос об установке памятника, и тогда по совету работников кладбища Оргкомитет 4 ноября 2002 г. обратился к председателю Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга Н. И. Явейну с просьбой до установления надгробия поставить на историческом месте номинальный крест, как это принято в христианской традиции. Однако официальный ответ был задержан до начала конференции, и лишь спустя некоторое время, 30 декабря 2002 г., когда О. П. Лихачева находилась в больнице, в дирекцию СПбНИ РАН поступил ответ (копия) на запрос уже канцелярии вице-губернатора. Однако в нем речь шла также о существующем надгробии (кенотафе, по нашему предположению) на участке № 76. В письме он именовался участком 47 (?). На поставленные нами вопросы о деталях переноса захоронения ответ получен не был. Однако была точная отсылка к Постановлению Правительства Российской Федерации от 10 июня 2001 г. № 527, в котором говорилось, что могила академика Н. П. Лихачева состоит под государственной охраной как объект исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения. В письме также говорилось о том, что «подробности переноса захоронения можно выяснить в ГУП „Регулярные услуги“». Институту предлагалось также представить проект нового надгробия в КГИОП «для согласования в установленном порядке». Письмо было подписано зам. председателя КГИОП Б. М. Кириковым. Круг замкнулся, нас переадресовали от одной чиновничьей структуры к другой.

В связи с годичным собранием РАН конференция была перенесена с 17—19 декабря 2002 г. на 3—5 декабря. Вопрос об историческом месте захоронения Н. П. Лихачева был поставлен и на заключительном заседании конференции. Академик В. Л. Янин высказал пожелание,

поддержанное всеми участниками конференции, чтобы памятник был установлен на месте исторического захоронения. Однако присутствовавший на конференции ведущий специалист СПбГУП «Ритуальные услуги» Г. В. Пирожков выступил категорически против этого. А перед Рождеством, 6 января 2003 г., умерла О. П. Лихачева, которая была нашей духовной опорой и поддержкой в деле восстановления исторической справедливости и сохранении памяти о ее деде.

Чиновники говорят, что установка памятника на историческом месте невозможна, так как под охрану взята могила на участке Петроградской и Поперечной дорожек, необходимо специальное разрешение и т. д., и т. п. Когда же встал вопрос о похоронах О. П. Лихачевой, то и ее родные, и друзья, и коллеги из разных учреждений нашего города считали, что она должна быть также похоронена на Смоленском православном кладбище. И снова пришлось обращаться на 2-ю Советскую улицу в СПбГУП «Ритуальные услуги» с просьбой. Горе сблизило нас и сотрудников похоронного ведомства. Особенно помогал директор «Ритуальных услуг» В. С. Хорошков. Мы получили разрешение похоронить О. П. Лихачеву на Смоленском кладбище, но только на участке Петроградской и Поперечной дорожек, отказ хоронить на участке 36 нам объяснили тем, что пока он закрыт для погребений. (Втайне мы надеялись, что, может быть, мы добьемся установки памятника Николаю Петровичу Лихачеву именно там.) По прошествии сорока дней после смерти О. П. Лихачевой мы начали новый круг хлопот по увековечению памяти Николая Петровича.

Подготовили и отнесли письмо Н. И. Явешину, подготовили фотографии хранящегося в хозяйственной части графитного надгробия в разных ракурсах. Одновременно снова пытались разыскать документальное подтверждение на изготовление надгробия, место его изготовления, автора проекта. Увы — все было безрезультатно. Сложность положения опять-таки заключалась в том, где устанавливать надгробие. СПбКГИОП поручил ведение нашего дела уже хорошо знакомой нам О. А. Шмелевой. Но по-прежнему мы не имели документальных подтверждений о перезахоронении ученого и перенесении могилы. Переписка затянулась, в Институт привержани сотрудницы СПбКГИОП и СПбГУП «Ритуальные услуги» О. А. Шмелева, С. Н. Иванова, Н. М. Романова для осмотра внешнего вида надгробия, затем, в конце июня, наконец представители Института, СПбКГИОП и СПбГУП «Ритуальные услуги» собрались вместе на Смоленском кладбище, и С. Н. Иванова, сотрудник СПбГУП «Ритуальные услуги», и Г. В. Пирожков вынесли вердикт: памятник может быть установлен только на участке № 76, а не на месте исторического захоронения. К сожалению, Оргкомитет конференции так и не получил письменных подтверждений о перезахоронении, а только устные заверения со стороны С. Н. Ивановой и Г. В. Пирожкова, не видели сотрудники Института и шикарных топографических снимков места захоронения, а также фотографий первоначального надгробия. (Из разговоров с представителями вышеназванных ведомств мы догадывались об их существовании.)

Итак, члены Оргкомитета и муж покойной О. П. Лихачевой А. А. Цехапович взяли на себя ответственность и приняли окончательное решение об установке надгробия на участке пересечения Петроградской и Поперечной дорожек кладбища. Далось нам это решение нелегко... Затем дело пошло несколько быстрее. Установку памятника решено было поручить АО «Собор». Была составлена смета расходов, ее общая сумма составляла около 50 тыс. рублей (вместе с доставкой памятника на кладбище). Таких денег у Института не было. И вот тогда на помощь пришли Государственный Эрмитаж и Государственный Русский музей. Так как большая и лучшая часть эпиграфических, хронографических, сфрагистических и нумизматических материалов коллекции Николая Петровича хранится в этих музеях, то для них было делом чести принять участие в нашем общем деле. Эти учреждения выделили большую часть средств, и Институт также принял посильное участие. Музейные службы, которым были даны поручения, исполняли это в высшей степени четко и доброжелательно.

Трудности возникли при транспортировке памятника на кладбище. Оказалось, что в городе практически невозможно было найти подъемный кран и грузовик для такого тяжелого монумента (первая попытка оказалась неудачной). Благодаря активности заместителя директора СПбИИ РАН Н. С. Сиволоба выход был найден. Чудеса техники, конечно же, облегчают жизнь, тем более, что на дворе XXI век. В Санкт-Петербурге оказались два японских крана большой грузоподъемности с грузовой платформой и электронным дистанционным управлением. Они понадобились дважды: при транспортировке памятника из Института и при установке его на месте участка № 76. Момент установки был психологически тяжелым. Перед этим площадку надо было забетонировать, а чтобы поставить памятник, укрепить шпеллера достигнуто большого диаметра. Моральную поддержку в день установки памятника оказал нам сотрудник Института материальной культуры РАН д. и. н. дьякон А. Е. Мусин. Была назначена дата присмки и открытия памятника — 16 октября 2003 г. За неделю до этих событий в Институте в подсобных помещениях хозяйственной части были найдены сгоревшие и трубку рабочие чертежи 70-х годов плана установки надгробия, они не имеют даты и подписей утверждения. Однако видно, что памятник и его оформление должны были быть более фундаментальными, чем это выполнено в настоящее время. Но отведенное место под современную установку (2 × 1,7 м) не позволило был исполнить архитектурный замысел. (Кстати, имени архитектора всего мемориала мы так и не увидели на чертежах, лишь автора гранитной скамьи архитектора Захарьиной). Чертеж-эскиз установленного современного надгробия был профессионально выполнен О. А. Абыленцевой. На гранитном памятнике мы также приобрели вैसेц восьмиконечный крест. (Н. П. Лихачев интересовался историей изображений и форм креста в христианском искусстве, и его большая работа, посвященная этим проблемам, до сих пор не опубликована.)

Наконец, днем 16 октября сотрудники многих учреждений РАН, Археографической комиссии, Императорского Православного пале-

В день открытия памятника

етинского общества, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии наук, Санкт-Петербургского университета, КГЮП, родственники, друзья и многие другие почитатели Н. П. Лихачева пришли на открытие памятника. Из Москвы приехал зам. председателя Археологической комиссии академик РАО С. О. Шмидт. Священник произнес проповедь о безвинно пострадавших отечественных ученых в годы репрессий конца 20-х—30-х годов XX в., прочел молитву и освятил памятник.

Последняя воля О. П. Лихачевой была исполнена*.

Е. И. Мецнерская, Е. К. Пиотровская, Н. С. Сиволоб

* Материалы обширной переписки и копии разрешений государственных чиновников хранятся в СИБВН РАН и, по согласованию с заведующей СПбФА РАН И. В. Тульвиной, приобщены к личному делу Н. П. Лихачева, находящемуся в этом архиве.